

Таракана смело можно назвать насекомым-подводником. Как известно, домашние животные типа кошек и хомяков в море продолжительное время жить не могут. Гибнут и крысы. Им, как и кошкам, чрезвычайно не нравятся перепады давления. Мух, комаров, блох и клопов или каких-нибудь бабочек вроде моли на подводных лодках в море отродясь не видели, разве что в ремонте, когда открыты съемные листы. Другое дело таракан рыжий, или «стасик» по-нашему, — он рожден подводником! А что? Тепло, сыро, укромных мест и щелей навалом, пищи хватает. Естественных врагов, кроме корабельного доктора, нет. Но битву с доктором он давно выиграл. Смирился док с его неистребимым племенем. Не будет же доктор под водой в отсеках ядовитые жидкости распылять. Не поймут его подводники, мягко говоря.

Так и существуем вместе. Привыкли. Не кусаются тараканы, не воняют, не нахальничают. Иногда, правда, в булочку к коку попадут, и станет она как бы с изюмом. К слову, согласно легенде, именно так булочки с изюмом и появились. Знаменитому булочнику Филиппову — поставщику Московского генерал-губернатора, тот указал сурово однажды на подозрительный темный комочек в сдобной булке. И, похоже, с лапками!

— Ерунда! — мгновенно нашелся Филиппов. — Это изюм! — и, не задумываясь, съел «изюмину» вместе с лапками.

Иногда тараканов заносит в бак со щами. Но на подобные мелочи внимания никто не обращает. Разве что по молодости. Не забуду, как на курсантской практике, на плавбазе подводных лодок «Федор Видяев», хлеб с корабельной пекарни получали. Получим, разломим и удивляемся щедрости коков. Ни в одной булочке или кексе ни до, ни после этого я не видел такого изобилия «изюма».

У любого подводника рассказов и теплых воспоминаний о «коллегам» наших меньших навалом. И я не исключение.

Вот, помню, лейтенантом на плавбазе «Атрек» в Полярном жил. Бывало, по вечерам в попойках офицерских участвовал. Не без этого. «Шило» со старшими товарищами пил и в неформальной обстановке общался. Ну и к тараканам привыкал. И вот как-то старший лейтенант Саня Руденко, по прозвищу Муравей, после изрядной порции коктейля так распалился, так душа его разыграла, и так его на подвиг сиюминутный потянуло, что схватил он сочного и жирного таракана со стола и спорить стал на бутылку «шила», что ни много ни мало закусит им. Засомневались мы. А Саня, скаля зубы, хватил стакан, поднес таракана ко рту и, не задумываясь, хрясть его и проглотил! У нас глаза на лоб полезли, позывы рвотные, вопль нечеловеческий: «Не надо!!!». Выиграл Саня пари, а заодно и

урок молодежи преподавал: не надо тараканом брезговать, коли месяцами с ним в одном корпусе живешь.

Другой случай. Помощником уже был. У борта «ПКЗ-80» наша лодка стояла. Смотрю, вечером комдив комиссию какую-то высокую в баньку повел. Увидел меня, на комиссию кивнул и шипит: «Пару бутылок «шила» срочно, и закуску!» Упал я в лодку, в каюту заскочил и в полумраке две первые попавшиеся под руку бутылки из-под сухого вина наполнил. Закуску взял и пулей наверх. Комдив ждет.

На следующий день подзывает меня и говорит: «Что же ты нам вчера, сучий потрох, принес?» И рассказывает: «Сели мы после баньки, распаренные и довольные, за стол. Картошечку рассыпчатую принесли с огурчиками, селедочку с лучком поставили. Берем бутылочку твою запотевшую, а там, на дне... пяток тараканов прилипли. Ладно, — говорит, — что комиссия из наших, бывших подводников. Привыкшие. Им тараканом аппетита не перебить. А то век бы помнили. И они, и мы, естественно». И смеется.

Или еще случай был. С Леней Лобановым, это потом он адмиралом стал, а тогда тоже лейтенантом был и жил на плавучке. Жена его тогда еще на Север не приехала, и Леня скучал сильно. Тем более что был непьющий. Сидел по вечерам один в каюте. Ну и приручил таракана. Выдрессировал. Он у него в чернильном приборе на столе жил. И, видимо, давно, так как крыло ему кто-то окурком прижег. Заметный такой таракан, солидный. Ветеран. Леня ему и кличку дал — Кудеяр. Заметил как-то Леня, что если сидеть тихо и мечтать, то Кудеяр по своим делам появляется. Прикармливать его стал. Как положено — трехразовое питание. Приходит с завтрака — «птюху» ему «заряжает». На крошку хлеба белого каплю масла сливочного да сгущенного молока, яичка там или творожку, ну и все другое, согласно нормам и ассортименту морского пайка. Подружились. Придет Леня в каюту, сядет, пальцами по столу побарабанит, и таракан тут как тут! Сидит напротив и усами шевелит: «Здравия желаю, — мол, — товарищ лейтенант! Какие проблемы?» Так и общались. Ели, Леня очень сгущенку уважал, разговаривали, вечера коротали, к зачетам готовились. Леня его на кличку уже почти приучил откликаться, но не успел образование завершить. Зашел как-то в их каюту флагманский штурман по фамилии Любич. Уселся и ну по столу барабанить... Кудеяр вылез из чернильного прибора и, конечно же, был убит книгой Виктора Гюго «Труженики моря». А штурман еще и на Леню наорал, мол, развел в каюте тараканов. Есть же такие паскудные люди. Долго потом Лобан штурмана убийцей называл. Не мог простить. Переживал за друга. Да и времени, потраченного на дрессировку, было жалко.

Или вот еще история. В апреле 1968 года всплыли мы как-то днем в Атлантике южнее Англии после урагана. Волны, как говорится, «выше сельсовета», море кипит, дождь, ветер. А в это время как раз перелет птиц шел. Всплыли, а на лодку птицы налетели. Похожие на дроздов, но не наши, чубатые какие-то. Измученные, мокрые. Потрепал их ураган, с пути сбил. Погибли бы, наверное. А тут островок из океана появился. Ну и кинулись они спастись. За корпус мертвой хваткой цепляются. Их волной накрывает, гибнут они, но даже мертвые коготков не отпускают. А на мертвых другие садятся. На этих другие, и так далее... Редкое зрелище! Огромные шевелящиеся кучи на корпусе образовались. Многие сотни, тысячи птиц! Везде птицы! Над лодкой вьются, на мостик под ноги падают. На выдвижных устройствах, в ограждении и на ограждении рубки, на вахтенном офицере и сигнальщике сидят! Не боятся. Обессилели. В руки можно взять.

Между тем распогодилось. Солнышко появилось. И хоть ветер еще ледяной и сильный был, оживать птицы стали. Обсохли, повеселели. Над лодкой, и особенно на мостике, дурдом. Гвалт, писк, треск крыльев, мельтешение. У вахты над

головой, под ногами, на голове, руках, плечах, везде птицы. Вахтенный офицер, сигнальщик отмахиваются, горизонт наблюдать надо. Куда там! Не видно ни черта! И что характерно, ни одного помета ни на корпусе, ни на вахте нет. Не кушают птицы во время перелета.

Между тем на мостик вышел начальник штаба дивизии, старший на борту. Непорядку, говорит. Горизонта не видно. Так и до беды недалеко. Погружаться надо. А сам птицу первую поймал и рассматривает. А птаха шустрая такая: пищит, клюется, вырывается. Не знаю зачем, начштаба эту птаху вниз в центральный пост с собою взял, но только вырвалась она у него там. А в центральном посту у плафонов в хамском расслаблении, в тепле и уюте «стасики» сидели. Увидела их птаха и ну клевать с ходу, только крылышки тараканы в стороны летят. Понравилось это начальнику штаба. Умилился он сильно и говорит: «Запустите ее ко мне в каюту вместо доктора, у меня там тараканов полно!» — а сам в штурманскую рубку пошел. Погрузились мы и начали отрыв от противолодочных сил.

Наконец готовность объявили, и начштаба в каюту пошел. Вдруг слышим вопли, виртуозный мат, проклятья, грохот, писк. Вылетает он из каюты вместе с птицей в руке, а за ними вонь ползет такая... Начштаба орет: «Чтобы этой заср...ки не видел больше! Выбросить ее нах...!» Оказалось, птица с голодухи так рьяно на тараканов в каюте набросилась, что обожралась... Ну и прослабило ее малость. Правда, этой малости с лихвой хватило не только на постельное белье начштаба, но и на карты, радиogramмы, секретные и совершенно секретные руководящие документы. Никто из нас до этого даже представить себе не мог, что одно симпатичное птичье тельце способно произвести на свет столько дряни и вони.

А вот еще один случай, рассказанный мне моим другом подводником.

В 1979 году была предпринята, возможно, единственная в своем роде попытка использовать тараканов в качестве индикатора чистоты и газового состава воздуха в отсеках подводной лодки. Я тогда старпомом был, а старпом, как известно, на дизельных подлодках исполняет обязанности начальника химической службы.

Докладывает как-то на исходе седьмого месяца автономки подчиненный мне химик-санитар-подводник, что в отсеках ни одного исправного прибора ПГА-ДУМ (прибор газового анализа на двуокись углерода, модернизированный) не осталось. Роняют их матросы. А там оптика. Нежный прибор. Я сторячая: «Как? Со своим прибором ходи, но чтобы каждый час, как положено, содержание углекислого газа в отсеках фиксировалось!» Ходит химик, измеряет. Упорный такой татарин. Пока из носа в корму дойдет — час проходит. Обрато идет. Сам ведь знаешь, какой ПГА-ДУМ прибор «совершенный». Наконец надоело ему ходить взад-вперед. Голову, говорит, помыть некогда, не говоря уже о сне. Халтурить химик стал. Однако вскоре пойман был и выдран, конечно. А после того как выдрали бедолагу, стали мы с ним думать, как из положения выйти. И здесь, не помню уже точно у кого, родилась мысль использовать для этих целей «коллег» наших меньших — «стасиков». Ведь одним же воздухом дышим!

Давно замечено было, что организм у тараканов на газовый состав воздуха в отсеках реагирует примерно так же, как человеческий. Например, после всплытия и вентилирования отсеков в атмосферу очень активным таракан становится. Прытким, веселым. С аппетитом все ест. Усами шевелит бойко. Размножается, опять-таки. А если около 1 % CO_2 в воздухе, то таракан снижает как-то. Вялым становится. Усами почти не шевелит. Капризен и разборчив: из корма неравнодушен только к сгущенке. К размножению интерес слабый. Ну и так далее. Вплоть до полной обездвиженности и потери всякого интереса к жизни при 2,5 %. Даже массовые самоубийства в это время у них случаются. В кают-компания пачками с подволока в тарелки с горячим борщом бросаются. В лапках силы нет.

Решили мы с химиком эти особенности тараканьи с пользой для дела применить. Отловил химик несколько десятков молодых и здоровых «стасиков» и по банкам стеклянным с герметическими крышками рассадил. В каждой банке воздух разного газового состава. От свежего морского до воздуха с содержанием 2,5 % CO_2 . Шесть банок с градацией в полпроцента. Наблюдение пристальное установил. Особенности поведения в специальном журнале фиксировал. Критерии установил. Активность обычная, кормовая и половая, среднее число колебаний усиков в минуту, реакция на яркий свет, на звук, на встряску и прочее. Неделю наблюдал и выводы научные сделал: «Да, меняется поведение тараканов заметно и в полном соответствии с кривой изменения газового состава воздуха внутри подводной лодки». После утверждения выводов мною таблички для вахтенных отсеков были оформлены и банки с тараканами розданы. Только теперь банки не герметичные, а марлей затянутые. Для нормального газообмена, так сказать. И зажил с тех пор наш химик как у Христа за пазухой. Только объявят по лодке: «Доложить газовый состав воздуха!», вахтенные к банкам с тараканами бросаются и докладывают в центральный: «В первом 1,5%! Разрешите регенеративные установки снарядить!» Вот так! И, надо сказать, редко ошибались. А вы говорите — истреблять тараканов надо. Не спешите. Пригодятся...

Как нам в свое время пригодились.

